

Когда-то необыкновенно красивые миндалевидные глаза главы Сытяньцзяня теперь бессильно полуприкрылись. Видя, как сильно император переживает, он всё же заставил себя приподняться с его помощью и медленно съел несколько ложек каши, которой тот его кормил.

После трёх-четырёх ложек лицо главы Сытяньцзяня внезапно стало ещё блее. Он оттолкнул чашу и закашлялся. Сначала кашель звучал громко, затем всё глуше и тяжелее. В конце он крепко сжал губы, но из уголка рта всё равно потекла тонкая струйка крови, особенно яркая на бледном лице.

Стоявший рядом евнух в панике подал пустую чайную чашку. Глава Сытяньцзяня взял её и выплюнул большой сгусток крови.

Главный евнух приказал позвать лекарей из Императорской медицинской палаты, остальные тут же приготовили чай для полоскания рта, плевательницу, полотенца и всё, что могло понадобиться.

Худая грудь главы Сытяньцзяня долго и тяжело вздымалась. Под исполненным вины и боли успокаивающим голосом императора он постепенно пришёл в себя, серьёзно посмотрел на него и сказал:

— Я тебя не виню. Всё, что происходит сейчас, — мой собственный выбор. Это я хотел провести с тобой ещё... ещё несколько дней. Только не ожидал, что тело окажется настолько бесполезным и ослабеет до такой степени.

Его взгляд упал на лежавшую возле подушки тонкую книжицу под названием «Записки об освобождении от тела».

— После моей смерти остальные книги не нужно хоронить со мной. Их можно отдать в хранилище, чтобы будущие практики изучали их.

— Но эту «Запись об освобождении от тела», которую я написал сам, лучше хранить отдельно. Метод жестокий. Пусть его передадут самому надёжному и осмотрительному мистическому роду нашего времени. Если не окажется другого выхода, думаю, никто не решится использовать его легкомысленно.

Так называемые «Записки об освобождении от тела» глава Сытяньцзяня написал как средство против нашествия восставших трупов. Основой послужила теория Гэ Хуна времён Вэй и Цзинь о том, что человек способен научиться становиться бессмертным. Он делил бессмертных на три категории: небесные бессмертные, земные бессмертные и бессмертные, освободившиеся от тела. Даос, достигший Дао, может оставить физическое тело и вознестись; иногда тела не остаётся вовсе, а вместо него в мире оставляют лишь предмет — одежду, посох, меч. Этот процесс называется «освобождением от тела». Получившего таким образом бессмертие называют бессмертным, освободившимся от тела.□

Взяв одну эту теорию за основу, глава Сытяньцзяня разработал конкретную исполнимую последовательность действий. Изначально он хотел сам освободиться от тела, стать бессмертным и покончить с бедствием восставших трупов.

Но метод был слишком рискован. За сотни и тысячи лет не появилось ни одного подтверждённого случая, когда практик действительно стал бессмертным. Кроме того, считалось, что бессмертные достигают высшей отрешённости и больше не цепляются ни за что. В «Дао дэ цзине» Лао-цзы сказано: «Небо и земля не человеколюбивы, и ко всем вещам относятся как к соломенным собакам». Смысл не в том, что Небо и земля презирают всё сущее, а в том, что они одинаково относятся ко всему, никому не отдавая предпочтения, и позволяют событиям следовать естественному порядку.□

А что, если, став бессмертным, он сам решит, что бедствие восставших трупов ничтожно и не заслуживает вмешательства? Тогда всё окажется напрасным.

Глава Сытяньцзяня колебался, применять ли метод из «Записок об освобождении от тела». И именно во время этих сомнений на него, словно гром среди ясного неба, обрушилось другое открытие.

Он понял, что его товарищ по пирушкам — император — оказывается, влюблён в него.

Если вдуматься, признаки действительно были. Император постоянно приглашал его во дворец на пиры: то дворцовые повара придумали новое блюдо, то из какой-нибудь далёкой страны привезли незнакомые фрукты и овощи.

По частоте такие приглашения почти сравнялись с количеством раз, когда глава Сытяньцзяня выходил ловить нечисть.

И каждый раз император устраивал пир только для него одного.

Глава Сытяньцзяня спрашивал почему. Император отвечал, что тот объездил всю страну, пробовал множество блюд и потому наверняка хорошо разбирается во вкусах.

Истинные чувства молодого императора раскрылись случайно. Однажды глава Сытяньцзяня наелся до отвала, поставил в императорском саду шезлонг и улёгся подремать. Император вернулся после разговора с чиновниками, увидел неподвижно распластанного главу Сытяньцзяня, решил, что тот крепко уснул, отослал всех слуг — и тихо, почти невесомо поцеловал его в лоб.

А глава Сытяньцзяня всего-то закрыл глаза, чтобы полежать после еды, и двигаться ему было лень. Кто же знал, что его ни с того ни с сего поцелуют? Он потрясённо распахнул глаза — и увидел красивое лицо императора.

Миндалевидные глаза превратились почти в два овала. Если бы не было лень шевелиться, он бы прямо с лежака подпрыгнул.

Он не особенно понимал, что император вообще в нём нашёл. Да, когда в столице завелись призраки и все жители были в панике, он пришёл и несколькими талисманами решил проблему. Да, увидев подавленного юного императора, который потерял родителей ещё ребёнком, он попросил Подземный мир отпустить ненадолго души предыдущих императора и императрицы, ещё не ушедшие на перерождение, чтобы мальчик мог с ними увидеться.

Но как из этого император умудрился в него влюбиться?

Впрочем... император был очень красив. Если такой человек его поцеловал, вроде бы он ничего не потерял. От этой мысли щёки и шея главы Сытяньцзяня слегка покраснели.

Согласиться на ухаживания императора, наверное, тоже было бы неплохо. Если бы... глава Сытяньцзяня не знал, что ему не суждено прожить долго.

Он вдруг вспомнил: императору он рассказал о способе решить проблему восставших трупов, но не сказал, что сам после этого тоже исчезнет из мира.

Неважно, воспользуется ли он «Записками об освобождении от тела» или израсходует всё совершенствование на запирающую формацию, — в любом случае умрёт. Когда он поставил последний штрих в «Записках», за окном загремел гром. Практик его уровня умел чувствовать волю Неба и отчётливо понял: в этом громе заключено предупреждение Небесного пути за попытку пойти против установленного порядка.

Небо не позволит. Глава Сытяньцзяня знал, что вопрос лишь во времени.

И именно благодаря этому грому он окончательно понял: метод из «Записок об освобождении от тела» действительно работает. Иначе Небесный путь не стал бы предупреждать его.

Хотя он размышлял о таком огромном деле, мысли внезапно снова вернулись к императору. Родители умерли, когда тот был совсем мал. Пусть министры-регенты честно и старательно поддерживали его, семейного тепла он так и не узнал. Если теперь, уже юношей, он потеряет ещё и любимого человека, жизнь у него будет слишком горькой.

Ладно. Тогда он останется ещё немного.

Несколько месяцев. Может быть, год или два.

Глава Сытяньцзяня не знал, сколько сможет прожить, когда отдаст всё совершенствование. Но сколько бы ни осталось — проведёт это время рядом с императором.

Он засунул «Записки об освобождении от тела» под подушку и больше их не открывал. Вместо этого сосредоточился на запирающей формации и проектировании подводной гробницы.

Для создания формации, которая должна была истощить всё его совершенствование, требовалось совпадение времени, места и людей. Нельзя было ждать, пока подводная гробница будет полностью закончена. Через пять дней глава Сытяньцзяня сделал расчёт и нашёл нужный момент.

Он поднялся на самое высокое место столицы и начертил формацию. Когда она завершилась, небо и земля изменились, солнце и луна померкли. Он спрятал готовую печать в случайно попавший к нему фиолетово-золотой сосуд, передал сосуд императору и подробно объяснил, как использовать его после завершения строительства — выпустить формацию и накрыть ею всю подводную гробницу.

Только тогда император окончательно почувствовал неладное и настороженно спросил:

— Ты собираешься покинуть столицу? Куда?

— Даже ради такой важной вещи, как установка печати, не вернёшься? — на красивом лице появилось почти обиженное выражение.

— Не уйду. Я ещё хочу несколько раз поесть приготовленную лично Вашим Величеством кашу с куриным фаршем. Вкус у неё совсем не такой, как у дворцовых поваров, — уголки губ главы Сытяньцзяня только начали подниматься, как вдруг резко опустились. Он согнулся и с шумом выплюнул кровь.

Готовил император ужасно. Он много раз учился у дворцовых поваров, но только эта каша хотя бы была съедобной.

По вкусу она бесконечно уступала дворцовой, но глава Сытяньцзяня всё равно иногда скучал именно по ней.

В последнюю секунду перед тем, как сознание рассеялось, он с грустью подумал: всё-таки скрыть от императора, что скоро умрёт, не получится.

В мире множество людей страдали гораздо сильнее императора. Но поскольку глава Сытяньцзяня любил именно его, боль императора казалась ему особенно тяжёлой.

*

— Но эту «Запись об освобождении от тела», которую я написал сам, лучше хранить отдельно. Метод жестокий. Пусть его передадут самому надёжному и осмотрительному мистическому роду нашего времени. Если не окажется другого выхода, думаю, никто не решится

использовать его легкомысленно, — сказал глава Сытяньцзяня.

На лице императора появились растерянность и паника. Рука, которой он обнимал главу Сытяньцзяня, инстинктивно сжалась, но тут же ослабла: он боялся причинить боль.

— ...Почему ты вдруг говоришь об этом?

Предсмертные слова?

— Боюсь забыть. Раз вспомнил сейчас — решил сказать Вашему Величеству, — спокойно ответил глава Сытяньцзяня.

— Я... вдруг захотел каши с куриным фаршем, которую ты готовишь сам. Она совсем не такая, как у дворцовых поваров.

— Хочешь поесть? Это хорошо. Я сейчас же приготовлю. Подожди меня, — император осторожно устроил его на мягких подушках и, забыв обо всяких правилах приличия, подхватил полы драконьего одеяния и побежал на дворцовую кухню.

Он и сам не понимал, почему бежит так отчаянно. Возможно, уже уловил какую-то едва заметную перемену в голосе главы Сытяньцзяня.

Когда император вернулся в спальню с кашей, евнухи и служанки стояли на коленях по всему залу. Он в несколько шагов ворвался во внутренние покои, по-прежнему держа чашу. Горячая каша расплескалась больше чем наполовину и обожгла ему руку, но он даже не заметил.

Глава Сытяньцзяня тихо лежал среди подушек с закрытыми глазами и спокойным лицом. Может быть, даже во сне ждал эту чашу каши — уголки губ едва заметно поднимались.

Он выглядел так, будто просто уснул.

Тринадцатый год Цяньюань династии Ли. Император Цяньюань тяжело заболел и более трёх месяцев не появлялся при дворе. В том же году юный глава Сытяньцзяня умер, погаснув в самом расцвете.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949253>